

Список использованных источников

1. Брайант Дж. Основы воздействия СМИ / Дж. Брайант, С. Томпсон. – М., 2004. – 432 с.
2. Дзялошинский И. М. Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям / Иосиф Дзялошинский. – М.: Престиж, 2006. – 104 с.
3. Исаева Л. Г. Средства массовой информации как фактор формирования духовной культуры российского общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Исаева Людмила Георгиевна. – Уфа, 2005. – 19 с.
4. Короченский А. Журналистика после СССР: два десятилетия обретений и утрат / Александр Короченский // Журналистика постсоветских республик: 20 лет спустя: сборник трудов Международной научно-практической конференции. – Белгород: Константа, 2012. – С.8–11.
5. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М.: Жуковский: Канон-пресс, 2003. – 480 с.
6. Мельник Г. С. Mass-media: психологические процессы эффекты / Г. С. Мельник. – СПб.: изд-во СПб ун-та, 1996. – 160 с.
7. Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований / М. М. Назаров. – М.: УРСС, 2006. – 311 с.
8. Потятиник Б. В. Медиа: ключи до розуміння. Серія: Медіакритика / Б. В. Потятиник – Львів: ПАІС, 2004. – 312 с.
9. Тимохов О. В. Панорамне мислення у соціофілософському вимірі / О. В. Тимохов // Матеріали Всеукраїнської Інтернет-конференції молодих учених та студентів «Актуальні питання соціально-філософської думки». – Одеса: ПНПУ, 2014. – С.16–18.
10. Третьяков В. Н. Криминальный диагноз: узкоумие / В. Н. Третьяков // Столица. – 1995. – 20 янв.

References

1. Brajant Dzh. Osnovy vozdejstvija SMI / Dzh. Brajant, S. Tompson. – M., 2004. – 432 s.
2. Dzialoshinskij I. M. Zhurnalistska souchastija. Kak zdelat' SMI poleznymi ljudjam / Iosif Dzialoshinskij. – M.: Prestizh, 2006. – 104 s.
3. Isaeva L. G. Sredstva massovoj informacii kak faktor formirovanija duhovnoj kul'tury rossijskogo obshhestva: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk / Isaeva Ljudmila Georgievna. – Ufa, 2005. – 19 s.
4. Korochenskij A. Zhurnalistska posle SSSR: dva desjatiletija obretenij i utrat / Aleksandr Korochenskij // Zhurnalistska postsovetiskih respublik: 20 let spustja: sbornik trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Belgorod: Konstanta, 2012. – S.8–11.
5. Makljujen M. Ponimanie media: vneshnie rasshirenija cheloveka / M. Makljujen. – M.: Zhukovskij: Kanon-press, 2003. – 480 s.
6. Mel'nik G. S. Mass-media: psihologicheskie processy jeffekty / G. S. Mel'nik. – SPb.: izd-vo SPb un-ta, 1996. – 160 s.
7. Nazarov M. M. Massovaja kommunikacija v sovremennom mire: metodologija analiza i praktika issledovanij / M. M. Nazarov. – M.: URSS, 2006. – 311 s.
8. Potjatynik B. V. Media: kljuchi do rozuminnja. Serija: Mediakrytyka / B. V. Potjatynik – L'viv: PAIS, 2004. – 312 s.
9. Tymohov O. V. Panoramne myslennja u sociofilosof's'komu vymiri / O. V. Tymohov // Materialy Vseukrai'ns'koi' Internet-konferencii' molodyh uchenyh ta studentiv «Aktual'ni pytannja social'no-filosof's'koi' dumky». – Odesa: PNP, 2014. – S.16–18.
10. Tret'jakov V. N. Kriminal'nyj diagnoz: uzkoumie / V. N. Tret'jakov // Stolica. – 1995. – 20 janv.

Naradko G. Ya., PhD, associate professor of philosophy, sociology and management of socio-cultural activities South Ukrainian National Pedagogical University named after K. D. Ushynsky (Ukraine, Odessa), marlinna@yandex.ru

Karapetrov V. V., a student of physics and mathematics South Ukrainian National Pedagogical University named after K. D. Ushynsky (Ukraine, Odessa), marlinna@yandex.ru

The role of the media in the development of elements of panoramic thinking

In the article a concept view thought is examined and influence of mass medias is investigated on his development. Research actuality is conditioned by the necessity of socially – philosophical comprehension of influence of mass medias for development of elements of the view thought in society. Development of the view thought is a necessary reaction of personality on growth of complication of the modern world. The view thought – it is a method of thought in the process of that takes place the overcoming of evolutionary burden of human mentality, – narrowness of the field of conscience. The view thought can be considered a term, that plugs in itself thought

of other types in bulk to the people not peculiar – such as a system, non – standart, volume, breach, scale, complete spectrum, parallel, more than onetrack. Signs over and chart of the view thought are brought. The stages of influence mass medias are indicated on society. Two approaches are described to the problem of influence of mass medias on thinking. Positive and negative parties of the view thought are brought presently. One of main tasks of mass medias is educed – informing at development of the view thought must be sent to creation logically of conscious, but not emotional attitude toward that takes place.

Keywords: panoramic thinking, media, narrow thinking, society, personality.

Нарядько Г. Я., кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії, соціології та менеджменту соціокультурної діяльності, ДЗ «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського» (Україна, Одеса), marlinna@yandex.ru

Карапєтров В. В., студент фізико-математичного факультету, ДЗ «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського» (Україна, Одеса), marlinna@yandex.ru

Роль засобів масової інформації в розвитку елементів панорамного мислення

Розглядається поняття «панорамне мислення» і досліджується вплив ЗМІ на його розвиток. Актуальність дослідження обумовлена необхідністю соціально-філософського осмислення впливу засобів масової інформації на розвиток елементів панорамного мислення в суспільстві. Розвиток панорамного мислення – це необхідна реакція особистості на зростання складності сучасного світу. Панорамне мислення – це спосіб мислення, в процесі якого відбувається подолання еволюційної навантаженості людського менталітету – вузькості поля свідомості. Панорамне мислення може вважатися терміном, який включає в себе мислення інших типів в масі людей не властиве – таке як системне, латеральне, нестандартне, об'ємне, проривне, масштабне, повного спектру, паралельне, більш ніж одотрекове. Наведено ознаки панорамного мислення. Вказані етапи впливу ЗМІ на суспільство. Описано два підходи до проблеми впливу ЗМІ на мислення. Наведено позитивні та негативні сторони панорамного мислення в даний час. Виявлена одна з головних задач ЗМІ – інформування при розвитку панорамного мислення повинно бути направлено на створення логічно свідомого, а не емоційного ставлення до того, що відбувається.

Ключові слова: панорамне мислення, ЗМІ, вузьке мислення, суспільство, особистість.

***

УДК 130.2

Петренко Д. В., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теории культуры и философии науки, Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина (Украина, Харьков), Dmitrypetrenko@yandex.ua

ФЕНОМЕН ТЕХНИКИ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Рассмотрено философско-антропологические концепции техники в философии конца XIX – XX веков. Исследование теоретических стратегий соотношения человеческого и технического позволяют раскрыть ряд антропологических операций, артикулирующих представления о человеке, и разработать оригинальную классификацию философских антропологий техники.

В философии техники конца XIX–XX веков формируется четыре стратегии для понимания темы «человек и техника»: проекционная, имманентно-критическая, трансцендентно-критическая и реконструкционная. Эти четыре стратегии философской антропологии техники не представляют все возможные линии концептуализации взаимосвязи человека и техники. Тем не менее, данные стратегии обозначили основные конфигурации диспозитивов, которые распределяют экономию человека/животного, естественного/искусственного, природы/культуры, человеческого/технического. Данные стратегии проявляются не только в различных философских концепциях, но и в теоретических исследованиях гуманитарных и социальных наук, которые обращаются к изучению темы «человек и техника».

Ключевые слова: антропология техники, антропологическая машина, человеческое, животное, техническое.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Забвение, отсутствие, утрата, подмена – типичные определения, сопутствующие различным философским попыткам осмысления техники в XX веке. Если тема «техника и культура» в достаточной степени исследована

в истории философии техники XIX – XX веков, то антропологический аспект интерпретации техники и технического зачастую остается на втором плане, что отображается в некоторой непроясненности стратегий концептуализации со-отношения человека и техники. Исследование антропологических аспектов различных направлений философии техники является *актуальным*, так как оно позволит не только прояснить концептуальные стратегии антропологии техники, формирующиеся с конца XIX века, но также и поможет обозначить истоки артикуляций «человеческого/технического» в современных философских и научных концепциях, маркировавших ряд кризисов в культуре XX века. *Цель статьи* – философская реконструкция антропологии техники, что, возможно, приблизит к пониманию некоторых аспектов антропологической машины [1, с. 44], в XIX–XX веках прочерчивающей складку человеческого в игре исключений/отторжений животного и технического.

Несмотря на то, что техническое было объектом различных философских размышлений от Аристотеля до Ламетри, возникновение и легитимацию философии техники связывают со второй половиной XIX века, а точнее с выходом в 1877 году работы Э. Каппы «Основные направления философии техники. К истории возникновения культуры с новой точки зрения». Выделение философии техники в автономный раздел философии исследователи зачастую объясняют реакцией на практические успехи индустриальной эпохи, наглядно проявившие себя в XIX веке. Железные дороги, электричество, фотоаппарат стали вызовом для многих мыслителей, которые поставили себе задачу перенести вопрос о технике в центр философских размышлений. Этот жест осуществляется многими философами, в том числе, и благодаря антропологическому осмыслению техники, поэтому уже первые работы по философии техники были ориентированы на антропологическую рефлексию. Так вопрос «что есть техника?» соединяется с вопросом «что есть человек?». Как писал Л. Мамфорд, осмысляя причины возникновения философии техники в работе «Миф машины», «Мы не сможем понять роль, которая играла техника в развитии человека, если не взглянем в глубины исторически сложившейся природы человека» [5, с. 10]. Преобразования, которые произошли в понимании человеческого с начала XIX века, непосредственно связаны с этой ставкой философии на тему «человек и техника». Капп, опираясь на философскую антропологию Л. Фейербаха, разработывает концепцию органической проекции «исходящий от человека внешний мир механистической работы может быть понят лишь как реальное продолжение организма» [2, с. 24]. Конечно же, подобные идеи, связывающие человеческое тело и технику, высказывались и ранее, но важно, что данная концепция формулируется в XIX веке, прочертившем новую конфигурацию человеческого, в результате чего проблема «человек и техника» актуализируется в своей радикальной имманентности.

Концепция Каппы строится на изначальном различении «человек/техника». Между человеком и техникой существует разрыв. Как пишет последователь Каппы А. Эпинас, техника «есть продолжение органа, его проекция во-вне» [11, с. 149]. Орган продлевается в техническое приспособление, но не сливается с ним. Человек не становится машиной, а использует ее.

Эта концепция будет присутствовать и у З. Фрейда, который в «Недовольстве культурой» констатировал, что многочисленные технические изобретения сделали человека «так сказать богом на протезах, величественным, когда употребляет все свои вспомогательные органы, но они с ним не срослись и доставили еще немало хлопот» [7, с. 222]. Конечно, у Фрейда вряд ли уже найдем технооптимизм Каппы и Эпиназа, технические протезы – искусственные органы без тел, «доставляющие хлопоты».

Впрочем, еще за десять лет до выхода работы Каппы К. Маркс радикально поставит вопрос о связи техники и эксплуатации рабочих. В XIII главе первого тома «Капитала», пытаясь осмыслить последствия промышленной революции XVIII века, Маркс приходит к выводу, что переход от ремесленных технологий производства к машинным кардинально меняет характер труда. Рабочий теперь становится составляющей средства производства – машины. Как пишет Маркс, «В мануфактуре рабочие являются членами одного живого организма. На фабрике мертвый организм существует независимо от них, и они присоединены к нему как живые придатки» [4, с. 360]. Живая рабочая сила полностью подчиняется мертвому труду машины. Тем не менее, Маркс подчеркивает, что причина отчуждения рабочего заключается не в самой машине, а в том, как она используется при капиталистическом способе производства. Маркс, по сути, создает одну из влиятельнейших линий понимания техники в XX веке, основанную на герменевтике подозрительности. Не стоит доверять технике, за ней скрываются интересы собственников капитала – эта максима становится базовой, например, для многих линий медиа-исследований: от радикальных разоблачений адептов Франкфуртской школы до мягкой критики масс-медиа бермингемских cultural studies. Следует отметить, что концепция машины у Маркса не столь однозначна, об этом свидетельствует написанный еще в 1857 году в рамках создания набросков «К критике политической экономии» «Фрагмент о машинах».

Для Маркса техника со-участвует в отчуждении человека только из-за подчинения буржуазии, но сама по себе, хоть и противостоит живому труду, угрозы человечеству не представляет. Более того, согласно концепции последователя Маркса Э. Блоха, будучи освобожденной от капиталистического производства, техника будет развиваться в со-ответствии творческим устремлениям человека. Здесь проявляет себя еще одна установка: соединять технику и мораль. Так, в работе Ф. Бона «О долге и добре», вышедшей в 1898 году, задачи техники связываются с актуализацией идеи добра. С точки зрения немецкого философа, техника должна подчиниться новой раскройке моральной сферы, которая образовалась после Канта. Подобные концепции исходят из того, что техника нейтральна и находится по ту сторону добра и зла, но при неправильном использовании она может становиться инструментом разрушения подлинно человеческого – процесса, артикулируемого в XIX веке под разными именами: отчуждение, нарушение требований категорического императива, утрата духовности.

Преодоление инструменталистских и органопроекции стратегий понимания техники осуществляется в рамках так называемой историцистской линии философии жизни. Это популярное в конце XIX начале XX века направление философии было реакцией на гегемонию естественнонаучного познания. В. Дильтей, Г. Зиммель

открывают понимание имени жизнь совершенно отличное от постулируемого в естественных науках, маркируя им принципиально неопределимый, иррациональный поток, никогда не сводимый к застывшим формам. Здесь техника занимает амбивалентное положение, так как, с одной стороны, она – преграда жизненному порыву, а с другой – его же порождение.

Противопоставление «техника – жизнь» оказало огромное влияние на литературные, театральные и кинематографические сюжеты начала XX века. Различного рода неодушевленные и неподконтрольные порождения человечества атакуют читателей и зрителей с литературных страниц, театральных сцен и экранов кинотеатров. Техника несет опасность человеческому, она подменяет жизненный порыв механистическим воспроизведением – одна из важнейших установок искусства немецких экспрессионистов. Страх и трепет, вызываемые техникой, могут быть преодолены только ее осмыслением – к такому выводу приходит ряд философов, обратившихся к философско-исторической рефлексии темы «человек и техника». Техника бросает вызов человеку, значит, она должна быть помыслена в своем развитии. Здесь возникает один из важнейших парадоксов, волновавших философов техники конца XIX начала XX века. С одной стороны, техническое представляет угрозу человеческому, с другой, – если человек отличен от животного, то одной из его главных особенностей должна быть способность к изобретательству, увенчанная созданием техники. Так возникает важная триада «животное/человек/техника».

Различие «человек/животное» в центре философских построений Х. Ортеги-и-Гассета. Человек не есть животное, потому что он может преодолевать естественные потребности и создавать нечто излишнее. Техника, понимаемая Ортегой-и-Гассетом довольно-таки широко как способность изобретать, становится центральной чертой, обозначающей человеческую исключительность и запускающей систему различий, формирующих оппозицию «человек/животное». Задача испанского философа – создать историческое прочтение соотношений человека и животного, человека и техники. Здесь уже намечается своеобразный раскол: с одной стороны, техника – маркер человеческого, с другой, – она управляется человеческим желанием. Определенные конфигурации желания и техники могут вызвать диссонанс, который приводит к тому, что Ортега-и-Гассет называет кризис человеческого желания. Поэтому история человека и история техники и совпадает, и не совпадает. Историческое прочтение необходимо Ортеге-и-Гассету только для одного жеста – констатации расхождения технического и человеческого. Разрыв намечается в XIX веке и связывается с фигурой человека-техника, которую испанский философ именуется «инженер». Результат изобретательства инженера радикально отличен от техники-случая и техники-ремесленника. Новый тип отношения к технике приводит к тому, что «человек вот-вот готов утратить реальные представления о технике и о тех, к примеру, духовных условиях в которых она возникает и, словно первобытный дикарь, видеть в подобных вещах обыкновенные дары природы, которые уже налицо и не требуют каких-либо усилий с его стороны» [6, с. 222]. Итак, сохранение человеческого, останавливающее процесс дегуманизации, воплощаемый фигурами инженера и технократа, связано с «духовными

усилиями». Отсутствие этих усилий вычитает собственно человеческое, которое замещается первобытным дикарем, а то и животным. Человек у Ортеги-и-Гассета – это обозначение промежутка между машиной и животным. Ни жизненная стихия, ни организованный механизм, человек становится именем призрака. Историческая реконструкция серии человек-техника необходима Ортеге-и-Гассету для двух операций: 1) очерчивание складки человеческого; 2) фиксация точки предательства, в которой техника становится источником забвения «духовных условий» человеческого. Очевидна и причина обращения Ортеги-и-Гассета к философии техники: не только подвергнуть критике ситуацию доминирования техники в XIX и XX веках, а и выявить исторические условия развития техники, и, таким образом, создать повествование, в котором будет полнота, утрата и восстановление изначального состояния. Основными акторами этого повествования должны стать животное, дикарь и инженер, ограничивающие и в то же самое время прочерчивающее фигуру человека.

Животное и техника становятся важными операторами в философии О. Шпенглера. Более того, Шпенглер совершает оригинальную процедуру – расширяет использование имени техника и на деятельность животного, что позволяет, по его утверждению, преодолеть инструментальные интерпретации техники. Конструируя и удерживая различие «человек/животное» Шпенглер предлагает понимать под техникой «тактику всей жизни в целом» [10, с. 457]. Техника, с точки зрения немецкого философа, – способ обращения с вещами, а не инструментальное их использование. Здесь берет начало серия парадоксов, пронизывающих шпенглеровскую философию. Техника как тактика жизни присуща и человеку, и животному. Но человек, утверждает Шпенглер, не является животным, так как способен на независимую от вида деятельность. Техника в человеческой ситуации становится маркером изобретательства, независимого от каких-либо принуждений. Возникает вопрос: зачем словом техника маркировать деятельность того, что немецкий философ называет животное? Аргумент с преодолением инструментальной интерпретации технического явно недостаточен. Судя по всему, эта операция необходима Шпенглеру для создания исторической ретроспективы технических изменений, которая позволит обосновать скандальное положение о закате Европы, объявляющее технику одной из причин кризиса фаустовской культуры. Расширение истории техники до животного понадобилось Шпенглеру для того, чтобы добавить убедительности его историческим аргументам, ниспровергающим абсолютизацию узкого понимания технического. Задача Шпенглера – вырвать имя техника из тисков сциентизма, для этого он соотносит технику с фигурой животного, которая служит удобным и в то же время провокативным оператором этого действия. Даже у животного есть техника, говорит Шпенглер, уточняя: техника, понимаемая определенным образом. Техника и, соответственно, человек/животное должны занять заранее приготовленные им места в шпенглеровском повествовании, основанном на описании события утраты, неизменно ведущего к тотальной катастрофе.

Немецкий философ именем «техника» маркирует актуализации жизни, а затем устанавливает различие «человек/животное». Таким образом, техника, с одной

стороны, объединяет фигуры человека и животного, с другой – обозначает радикальный раскол между ними. Оппозиция «человек/животное» вступает в конфликт с другим важным для Шпенглера противопоставлением: естественное/искусственное. Если техника присуща и человеку, и животному, то ее необходимо соотносить с естественным, но в таком случае выделение области человеческого, которое Шпенглер называет культура, не может быть связано с искусственным. Будучи характеристикой и человека, и животного, и естественным, и искусственным, техника становится плавающим означающим, подрывающим выстраиваемые Шпенглером оппозиции.

Техника, согласно Шпенглеру, актуализирует изобретательную способность, но она же в фаустовской культуре становится одной из причин кризиса. Как пишет немецкий философ, «Творение поднимается на творца. Как некогда микрокосм–человек поднимался на природу, так восстает теперь микрокосм–машина против нордического человека. Властелин мира сделался рабом машины. Взбешенная упряжь влечет низвергнутого победителя к смерти» [10, с. 485–486]. Восстание против природы и выделение человеческого оканчивается стиранием этой процедуры машиной.

Описывая естественность в работе «Человек и техника», Шпенглер рисует удивительную картину нарастания интенсивности в мире природной жизни, которая сводится немецким философом к условной триаде: растение, травоядное животное, хищное животное. Имя растение маркирует крайний случай проявления жизни и отсутствие движения. То, что Шпенглер называет растением, лишено технической тактики и выполняет функцию нулевой точки жизни. Парадоксально, что предел другой стороны – доминирование техники на завершающей стадии фаустовской культуры – в своем наиболее радикальном проявлении также приводит к точке абсолютного покоя – смерти. Повествование Шпенглера начинается и заканчивается в топосе, который Ж. Лакан в «Этике психоанализа» обозначил как место «смерти, посягающей на область жизни, и жизни, вступающей во владение смерти» [3, с. 322]. Нарушенная полнота «природного» запускает ряд процессов возвращающих экономии мысли Шпенглера в исходную точку, соединяющую до неразличимости Эрос и Танатос, наслаждение и смерть. Техника становится оператором и нарушения, и восстановления. История техники здесь становится историей, как производства, так и уничтожения животного и человека, культуры и цивилизации.

Если подводить итог, то можно обозначить, по крайней мере, четыре стратегии философского осмысления темы «человек и техника». Первая – *проекционная*, техника здесь понимается как проекция человеческих возможностей или данностей (Э. Капп, А. Эспиназ, З. Фрейд, Х. Закссе). Задача философии здесь – обосновывать эволюцию человеческих способностей, либо просто констатировать их развитие. Вторая, *трансцендентно-критическая*, исходит из положения, что техника реализовывает интересы скрытых социальных, экономических или политических сил, направляющих ее против человека, и соответственно задача философии – распознать и поименовать эти силы, а также осуществляемые ими деструктивные процедуры (К. Маркс, Ф. Энгельс, Э. Блох, Т. Адорно, Г. Маркузе). Третья стратегия, *имманентно-критическая*, ориентирована на историческое исследование техники в своей автономности и фиксации точки утраты,

предательства, переворачивания, забвения, в которой техника начинает представлять угрозу человеческому. Философия здесь намечает критерии опасности и идентифицирует их проявления в контексте исторического рассмотрения техники (Х. Ортега-и-Гассет, О. Шпенглер, Л. Мамфорд, с рядом оговорок М. Хайдеггер). Четвертая стратегия, *реконструкционная* (также в смысле М. Фуко ее можно назвать археологической), ставит своей задачей нейтральное воспроизведение истории техники и ее антропологических аспектов, поэтому представители этой стратегии несколько критически относятся ко всяким соотношениям их исследований с философией (Д. Хедрик, А. Пейсей, В. Фаульштих). Следует отметить, что реконструкционная стратегия все же опирается на имплицитные философские предпосылки, задающие определенное понимание истории, техники, природы и человека, некритически принимаемое исследователями.

Несомненно, обозначенные стратегии философской антропологии техники не представляют в полной мере все возможные линии концептуализации связи «человек/техника». Тем не менее, данные схемы прочитали основные конфигурации диспозитивов, распределяющих экономии человеческого/животного, естественного/искусственного, природного/культурного, человеческого/технического не только в различных философских концепциях, но и в теоретических построениях гуманитарных и социальных наук, обращаясь к исследованию темы «человек и техника».

Список использованных источников

1. Агамбен Д. Открытое / Джорджо Агамбен [пер. с итал. Б. Скуратова]. – М.: РГГУ, 2012. – 112 с.
2. Капп Э. Антропологический критерий / Эрнст Капп [пер. с нем.] // Роль орудия в развитии человека. – Ленинград: Прибой, 1925. – С.21–24.
3. Лакан Ж. Этика психоанализа. Семинары. Книга 7 (1959–60) / Жак Лакан [пер. с фр. А. Черноглазов]. – М.: Гнозис, Логос, 2006. – 416 с.
4. Маркс К. Энгельс Ф. Избранные сочинения в 9 т. Том 7. Капитал / Карл Маркс, Фридрих Энгельс [пер. с нем.]. – М.: Политическая литература, 1987. – Т.7. – 629 с.
5. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Льюис Мамфорд [пер. с англ. Т. Азаркович, Б. Скуратов]. – М.: Логос, 2001. – 408 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике / Хосе Ортега-и-Гассет [пер. с исп.] // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. – М.: Весь мир, 2000. – С.164–232.
7. Фрейд З. Недовольство культурой / Зигмунд Фрейд [пер. с нем. А. Боковиков] // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. – Т.9. Вопросы общества и происхождение религии. – М.: СТД, 2008. – С.197–270.
8. Хайдеггер М. Вопрос о технике / Мартин Хайдеггер [пер. с нем. В. Бибихин] // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С.221–237.
9. Цехмистро И. Холистическая философия науки / Иван Цехмистро. – Харьков: Университетская книга, 2002. – 368 с.
10. Шпенглер О. Человек и техника / Освальд Шпенглер [пер. с нем. А. Руткевича] // Культурология XX век. Антология. – М.: Юрист, 1995. – С.454–496.
11. Эспиназ А. Соответствующее состояние техники / Альфред Эспиназ [пер. с фр.] // Роль орудия в развитии человека. – Ленинград: Прибой, 1925. – С.148–169.

References

1. Agamben D. Otkryitoe / Dzhordzho Agamben [per. s ital. B. Skuratova]. – M.: RGGU, 2012. – 112 s.
2. Kapp E. Antropologicheskii kriteriy / Ernst Kapp [per. s nem.] // Rol orudiya v razvitiy cheloveka. – Leningrad: Priboy, 1925. – S.21–24.
3. Lakan Zh. Etika psihoanaliza. Seminaryi. Kniga 7 (1959–60) / Zhak Lakan [per. s fr. A. Chernoglazov]. – M.: Gnozis, Logos, 2006. – 416 s.

4. Marks K. Engels F. Izbrannyye sochineniya v 9 t. Tom 7. Kapital / Karl Marks, Fridrih Engels [per. s nem.]. – M.: Politicheskaya literatura, 1987. – T.7. – 629 s.

5. Mamford L. Mif mashiny. Tehnika i razvitie chelovechestva / Lyuis Mamford [per. s angl. T. Azarkovich, B. Skuratov]. – M.: Logos, 2001. – 408 s.

6. Ortega-i-Gasset H. Razmyishleniya o tehnikе / Hose Ortega-i-Gasset [per. s isp.] // Ortega-i-Gasset H. Izbrannyye trudyi. – M.: Ves mir, 2000. – S.164–232.

7. Freyd Z. Nedovolstvo kulturoy / Zigmund Freyd [per. s nem. A. Bokovikov] // Freyd Z. Sobranie sochineniy v 10 tomah. – T.9 Voprosyi obschestva i proishozhdenie religii. – M.: STD, 2008. – S.197–270.

8. Haydegger M. Vopros o tehnikе / Martin Haydegger [per. s nem. V. Bibihin] // Haydegger M. Vremya i bytie. Stati i vyistupleniya. – M.: Respublika, 1993. – S.221–237.

9. Tshmistro I. Holisticheskaya filosofiya nauki / Ivan Tshmistro. – Harkov: Universitetskaya kniga, 2002. – 368 s.

10. Shpengler O. Chelovek i tehnika / Osvald Shpengler [per. s nem. A. Rutkevicha] // Kulturologiya XX vek. Antologiya. – M.: Yurist, 1995. – S.454–496.

11. Espinas A. Sootvetstvuyushee sostoyanie tehniki / Alfred Espinas [per. s fr.] // Rol orudiya v razvitii cheloveka. – Leningrad: Priboy, 1925. – S.148–169.

Petrenko D. V., Ph.D. Associate Professor Theory of Culture and Philosophy of Science Department V. N. Karazin Kharkiv National University (Ukraine, Kharkiv), Dmitrypetrenko@yandex.ua

The phenomenon of technology in the context of philosophical anthropology

The article deals with the examination of philosophical reflections as to the interrelation of a man and technology. The purpose of article is to research the anthropological aspects of various directions in philosophy of technology forming from the end of the XIX century. The presented research will also help to designate the origins of the articulation of «human/technical» in the modern philosophical and scientific conceptions.

The examination of philosophy of technology of the end of the XIX century – the first half of the XX century allows allocating of four strategies for understanding the subject «a man and technology». These four strategies of philosophical anthropology of technology do not present integrally all possible directions of conceptualization of the interrelation of a man and technology. Yet, the given schemes have drawn the basic configurations of dispositives, which distribute the economy of the human/animal, natural/ artificial, inherent/cultural, human/technical. The specified strategies are evident not only in various philosophical conceptions, but also in theoretical research of humanitarian and social sciences, which deal with the studies of the subject «a man and technology».

Keywords: anthropology of technology; anthropology of machine, human, animal, technical.

Петренко Д. В., кандидат філософських наук, доцент, доцент кафедри теорії культури і філософії науки, Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна (Україна, Харків), Dmitrypetrenko@yandex.ua

Феномен техніки в контексті філософської антропології

Розглянуто філософсько-антропологічні концепції техніки у філософії кінця XIX – XX сторіч. Дослідження теоретичних стратегій співвідношення людського і технічного дозволяє розкрити ряд антропологічних операцій, які артикулюють уявлення про людину, і розробити оригінальну класифікацію філософських антропології техніки.

У філософії техніки кінця XIX – XX сторіч формується чотири стратегії розуміння теми «людина і техніка»: проєкційна, іманентно-критична, трансцендентно-критична і реконструкційна. Ці чотири стратегії філософської антропології техніки не представляють усі можливі лінії концептуалізації взаємозв'язку людини і техніки. Проте, дані стратегії позначили основні конфігурації диспозитивів, які розподіляють економію людини/тварини, природнього/штучного, природи/культури, людського/технічного. Ці стратегії виявляються не тільки в різних філософських концепціях, але й в теоретичних дослідженнях гуманітарних і соціальних наук, які звертаються до вивчення теми «людина і техніка».

Ключові слова: антропологія техніки, антропологічна машина, людське, тваринне, технічне.

***

УДК 111.852

Полянська В. І.,
доктор філософських наук, професор,
завідувач кафедри філософії, Миколаївський
національний університет ім. В. О. Сухомлинського
(Україна, Миколаїв),
vikip@ukr.net

СПІЛЬНІСТЬ ІДЕЙ РОСІЙСЬКОГО ФОРМАЛІЗМУ, СТРУКТУРАЛІЗМУ І АНГЛО-АМЕРИКАНСЬКОЇ НОВОЇ КРИТИКИ

Показано зв'язок ідей російського формалізму, європейського структуралізму і американської Нової критики. Визначена складність дослідження, яка полягає в тому, що структуралізм, а пізніше нова критика, формувалися в різних історичних умовах, на різних теоретико-методологічних підставах. Зв'язок російського формалізму з чеським структуралізмом простежується в аналізі всієї структуралістської концепції в естетиці, в тому числі, і в контексті постструктуралізму, коли твори мистецтва розглядаються як сукупність прийомів. У статті робиться акцент на спробу формалістів осмислити естетичну проблему не тільки як зміну форм, а й розкрити взаємозв'язок форми і змісту в філософському контексті. Досліджується спадщина представників американської Нової критики, в контексті якої виділяється три типи «прийомів» формально-поетичного посилення художнього сприйняття: метр, художній сюжет і стежки, що свідчить про тісний зв'язок Нової критики з російським формалізмом.

Ключові слова: ідеї російського формалізму, структуралізм, американська Нова критика.

Майже сто років продовжуються дискусії з приводу взаємозв'язків між російським формалізмом, структуралізмом і англо-американською Новою критикою. Факт визнання ідей російської формальної школи наступними школами структуралізму і постструктуралізму є засадничим в процесі дослідження запропонованої теми. Обґрунтованість основних позицій в російському формалізмі і структуралізмі стало питанням принципового самовизначення. На теренах новітніх естетичних досліджень, що по-різному оцінюють російський формалізм, є питання, на які майже всі теоретики дають однакові відповіді. Серед них – питання про походження європейського структуралізму.

Одноставність критиків різних переконань полягає в безсумнівності того факту, що структуралізм зародився ще в Московському лінгвістичному гуртку і є пов'язаним безпосередньо з ім'ям Романа Якобсона. Зв'язок формалізму із структуралізмом визнавали практично всі відомі дослідники естетики I половини ХХ століття.

У дослідницькій літературі, присвяченій зв'язку формалізму і структуралізму, неодноразово відображався вплив на структуралізм таких філософів як Е. Гуссерль, М. Дессуар, Ф. Соссюр. Серед сучасних фахівців в галузі естетики цю проблему досліджували такі філософи як А. Горних, А. Грякалов, Е. Тоддес, Н. Ржевська та інші.

Вважається, що структуралізм офіційно почав формуватися в Празі в 20-і роки ХХ сторіччя. Лідерами і засновниками цієї течії були Р. Якобсон, Я. Мукаржовський, П. Матезіус. Після Другої світової війни його центром стали США, а в 60-і роки – Тартуська школа в СРСР на чолі з Ю. Лотманом. Структуралісти переосмислили ідеї формалістів що до динамічності форми, відмовились від вульгарного порівняння форми і змісту, розглядаючи їх як прояви одних і тих самих структур.

Згодом структурний метод став одним із найпопулярніших методів як в науці, так і в мистецтві, трохи пізніше – в естетиці і літературознавстві.

Визначення структуралізму як цілісної естетичної концепції є досить складною справою, оскільки